

Протоиерей Андрей Ткачев

«СТРАНА ЧУДЕС»

и другие рассказы

Андрей Ткачев

«Страна чудес» и другие рассказы

«Издательство Сретенского Монастыря»

2013

УДК 821.161.1-322.2Ткачев
ББК 84(2=411.2)6-44

Ткачев А.

«Страна чудес» и другие рассказы / А. Ткачев — «Издательство
Сретенского Монастыря», 2013

ISBN 978-5-7533-1433-8

Автор книги — настоятель храма Преподобного Агапита Печерского в Киеве, известный миссионер и проповедник. Его рассказы — о любви к ближним, о бесконечности Божьего мира, о непростых путях к Богу. Отдельные рассказы публиковались в журнале «Отрок.ua» и на сайте «Православие.ру».

УДК 821.161.1-322.2Ткачев
ББК 84(2=411.2)6-44

ISBN 978-5-7533-1433-8

© Ткачев А., 2013
© Издательство Сретенского
Монастыря, 2013

Содержание

Мудрец и проповедник	6
«Где двое или трое...»	11
Кирпич	15
Сказка	20
Лебедь, или Вечер Сен-Санса	23
В маленьком городке на границе	27
Отец Василий	29
Помогите Иисусу Христу!	34
Попутчик	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Протеирей Андрей Ткачев
«Страна чудес» и другие рассказы

Допущено к распространению Издательским советом Русской Православной Церкви
ИС Р18-807-3128

© Сретенский монастырь, 2013

© Ткачев А., протоиерей, 2013

Мудрец и проповедник

Жил на свете один человек, который умел задавать верующим такие мудреные вопросы, что самые убежденные из них смущались и уходили, втянув голову в плечи.

Был и еще один человек, который умел так красиво говорить о Господе, что самые занятые люди бросали свои занятия, чтобы его послушать. Смешливые при этом переставали смеяться, а у грустных разглаживались морщины и начинали светиться глаза.

Оба этих человека жили в одном городе, но никогда не встречались. Дом одного стоял в том месте, где торговый путь с севера входит в город, а дом другого – там, где этот путь выходит из города, чтобы устремиться дальше, на юг. Кроме того, любитель задавать сложные вопросы поздно вставал, потому что любил всю ночь просидеть над книгой. А тот, кто улаждал сердца людей словами о будущей жизни, напротив, просыпался рано как птица – и как птица с закатом солнца прекращал петь.

Люди любили слушать их обоих. Один пугал и одновременно привлекал умы холодной, как лед, и отточенной, как сталь кинжала, логикой. Другой смягчал сердца простыми словами, от которых почему-то многие плакали, хотя никто не грустил.

Но вот однажды во время осенней ярмарки какой-то шутник предложил свести их вместе в споре. «Пусть покажут нам, кто кого одолеет, а мы послушаем их. Это будет поинтересней, чем наблюдать за состязанием кулачных бойцов!» Людям показалась увлекательной эта идея. Они даже удивились, как это до сих пор такая мысль никому из них не пришла на ум. Возбужденной толпой, шумя, пошли они к городской ратуше и стали требовать, чтобы отцы города написали указ, в котором приказали бы двум мудрецам сойтись в указанное время на городской площади для состязания.

В тот же день почтальон отнес будущим соперникам по одинаковому письму с массивной сургучной печатью. «Ну что? Как они восприняли указ городского начальства?» – наперебой спрашивали люди у почтальона. «Тот, что приводит неопровержимые доводы, обрадовался и сказал, что давно мечтал об этом дне, – ответил почтальон. – Ну а тот, что рассказывает сказки старикам и детям, взял молча письмо и сунул мне в руку монетку».

Потирая руки и азартно хихикая, расходились люди в тот день по домам. Многие сгорали от нетерпения услышать спор, и долгие три дня, которые нужно было подождать, казались им вечностью.

В ожидании назначенного турнира будущие соперники вели себя по-разному. В доме на северной окраине ночи напролет горел светильник. Хозяин сидел над книгами, оттачивая аргументы, готовя самые каверзные вопросы. Время от времени он вставал и начинал ходить

по комнате. Тогда в окне была видна его нервно двигающаяся тень, и видевшие говорили, что выглядело это зловеще.

Проповедник же не поменял образа жизни. Он просыпался рано и уходил за городскую стену в ближайший лес, чтобы слушать птиц. Светильник не озарял его окна. Он по-прежнему засыпал рано. Конечно, он переживал. Ведь он – человек. У него есть нервы, в его груди бьется обычное человеческое сердце. Но он помнил слова о том, что не нужно запасаться знаниями заранее и что в нужное время уста произнесут слова Истины, если надеяться не на себя, а на Другого.

В назначенный день весь город высыпал на центральную площадь. Люди завидовали тем, кто жил в окрестных домах. Еще бы! Они могли не выходя из дома, прямо из окон смотреть на долгожданное зрелище. Некоторые даже неплохо заработали, догадавшись продавать желающим местечко у себя на балконе. Женщины надели самые нарядные платья и вплели в волосы разноцветные ленточки. Мужчины заключали пари и били по рукам, делая денежные ставки на одного из возможных победителей. Владелец корчмы предвкушал большой заработок. Кто бы ни победил, а уж он не останется в накладе. Все сегодня придут к нему: одни – чтобы обмыть победу, другие – чтобы залить огорчение.

Хладнокровный мудрец, прошедший три ночи над книгами, пришел на площадь первым. Он был бледен, но в осанке его, в волевом блеске умных глаз было столько силы, что поклонники проповедника невольно испугались. «Этот того и гляди победит. Разве можно победить такого в споре?»

Но что же это? Солнце уже вошло в зенит, и время диспута, назначенное в указе, давно наступило – а второй участник спора так и не появился. Нарядно одетые мужчины стали расстегивать куртки и камзолы и раскуривать трубки. Женщины то и дело вспоминали, что их ждет дома: кого опара для теста, кого некормленный младенец. Ропот стал волновать людей, словно рябь, бегущая по поверхности озера. Больше всех нервничал мудрец.

– Он испугался! Пошлите за ним! Пусть его приведут силой! – кипятился он, и все впервые видели его потерявшим самообладание.

Несколько посыльных побежали на южную окраину города, но когда они вернулись, ропот только усилился.

– Его нет дома. Дверь закрыта. Его нигде нет, – сказали они.

С великой досадой покидали площадь горожане.

– Ты победил, – говорили они мудрецу, направляясь в сторону корчмы.

– Я не хочу такой победы! – кричал тот. – Я найду его и докажу, что прав я, а не он!

Проповедник, не пришедший на словесное состязание, действительно пропал, как сквозь землю провалился. Его не видели ни на следующий день, ни через неделю. «Неужели он так испугался возможного поражения? – думали люди. – А может, мы обидели его этой глупой выходкой?» Но горожанам пришлось еще более изумиться, когда из города ушел и мудрец, приводивший в смущение всех, кто верит в Господа. Правда, он ушел не тайком, а открыто. Перед уходом он сказал людям:

– Мне стало неинтересно здесь жить. Раньше, когда в ваши уши вливали яд бесполезных сказок, я видел свое призвание в том, чтобы научить вас думать, в том, чтобы логикой и твердым знанием превращать фантазии в пыль. Теперь мне не с чем спорить и некого опровергать. Хотя наш диспут и не состоялся, я знаю, что он, – тут мудрец указал рукою в сторону южной окраины, – умнее всех вас. Без него у меня нет достойного противника. Я отправляюсь на его поиски.

После этого жизнь в городе стала скучной.

Женщины продолжали печь такие же вкусные пирожки. Кузнец по-прежнему творил чудеса из куска железа. Так же хорошо играли в праздники трубачи местного оркестра. В общем, все продолжали заниматься своими делами. Но во всем этом люди не находили прежнего удовольствия. Из жизни города вместе с мудрецом и проповедником ушли вкус и смысл, как испаряется крепость из незакрытой бутылки со сливянкой. Растяпа, не водворивший пробку на место, захочет через месяц развеселить сердце, но будет разочарован. Вместо веселья он обретет лишь расстройство желудка.

Время шло. В городе умирали старики и рождались младенцы. Река времени обновляла жизнь здесь, как и везде. Не все уже и помнили о мудреце и проповеднике. Как вдруг купец, торговавший на самых дальних ярмарках, принес в город удивительную новость: он нашел их обоих. Более того, они не враждовали, но были друзьями и путешествовали по миру вместе! Вот его рассказ:

– Я повстречал их в гостинице. Увидав обоих, мирно беседующих и поднимающихся в комнату на последнем этаже, я подумал, что вижу сон. Но утром на рынке я снова встретил

их. Они беседовали с людьми о вере. Люди, забывая о товарах и покупках, слушали их с замиранием сердца. Говорил тот, кто и нам когда-то проповедовал. Когда же проповедника дерзко перебивал какой-нибудь спорщик, в беседу вступал второй. Он в пух и прах, к удовольствию слушателей, разбивал доводы спорщика и снова давал слово проповеднику.

Немало надивившись такой новости, я вечером постучался к ним, и мне открыли. Мы пили горячий чай и разговаривали. Тот, который не спал по ночам и сидел над книгами, рассказал мне, что долго не имел покоя. Он понимал, что не страх поражения заставил проповедника уклониться от состязания. Смутная догадка озарила тогда его ум: «Он может жить без меня и без споров со мной. Его не радуют подобные победы. У него есть другие радости, которых нет у меня. В крайнем случае он может всю оставшуюся жизнь бродить по лесу и наслаждаться пением птиц. А у меня этого нет. Я хочу спорить и доказывать. Если же спорить не с кем, я проваливаюсь в пустоту. Моя жизнь – пустота, если нет собеседника, и сам я – пустота». Вот что он понял, пока искал своего противника. И не ошибся. Тот не боялся споров, он просто не любил их.

Мудрец действительно нашел проповедника в лесу. Тот стоял на лесной опушке, и множество птиц сидело на ветвях деревьев, радуя его своим чудесным пением. Птицы не боялись этого человека, ни одна из них не улетала. Эта картина поразила мудреца, и мысль о том, что он был прав, озарила его ум подобно молнии. Но он сделал неосторожное движение и вспугнул птиц. Те с криком поднялись в воздух, полетели над лесом и скрылись из виду. Тогда бывшие соперники посмотрели друг на друга и пошли навстречу. Они обнялись как братья и оба заплакали. «Прости меня, – сказал один. – У меня были мертвые знания, но не было живой любви». – «Мне не за что прощать тебя, – ответил другой. – Я такой же, как ты, человек, и мне нечем гордиться». О многом говорили они, и узы, крепкие, как между родными братьями, связали в тот день их души.

После этого они стали путешествовать вместе, договорившись не ждать лета в том городе, в котором перезимуют. Они уже обошли многие города и страны, утешая людей и беседуя с ними. Сложив вместе свою любовь и свои знания, они стали подобны острому мечу, наточенному с двух сторон, и приносят много пользы человеческим душам.

Купец замолчал, и вместе с ним молчали горожане. Потом кто-то вздохнул и сказал:

– Эх, хорошо бы увидеть их снова.

– Как же, – ответил ему другой, – придут они теперь к нам. Размечтался.

– Они действительно не придут, – сказал купец. – Но не потому, что обиделись. Просто им хочется идти по широкой земле куда глаза глядят и не возвращаться вспять. Люди везде одинаковые, и каждому сердцу время от времени нужно утешение. Но зато я в следующий раз принесу вам книгу, в которой записаны некоторые из их бесед.

Эта мысль всем понравилась.

– Мы сделаем для этой книги золотой оклад и будем хранить ее в зале торжественных собраний. Как-никак, они уроженцы нашего города, и никто не запретит нам гордиться таким родством!

Все были согласны и решили по этому поводу зайти в корчму и угоститься свежим пивом. В этот вечер пиво, как показалось всем, вернуло себе забытый вкус и запах.

«Где двое или трое...»

В центре парусного корабля возвышается мачта. А в центре европейского города возвышается шпиль собора. Соборный колокол пугает по воскресеньям птиц и мешает спать тем, кто не любит молиться. Вокруг собора, чаще всего – квадратом, расположена площадь. В зависимости от времени года она бывает то местом народных собраний с духовым оркестром и выступлением мэра, то местом оживленной торговли. Да мало ли чем может быть мостовая, на которую с четырех сторон смотрят чисто вымытые окна? Во все стороны от площади убегают узенькие улочки. Дома на них стоят столь близко, что солнечный луч бывает редким гостем на стенах первых этажей. Сыростью и древностью пахнет на этих улицах, если, конечно, хозяйка не вылила прямо перед вашим носом грязную мыльную воду или кухонную лохань с рыбьей чешуей. Сейчас такое случается редко, но раньше...

Та история, которую я хочу рассказать, случилась именно «раньше». Это было между двумя мировыми войнами, которые, по правде, стоило бы назвать бойнями. Жизнь была бедная, злая и неуверенная. Люди в те годы стали криво ухмыляться при словах «честность», «благородство»... Никому не хватало денег, никто не доверял друг другу и все на ночь крепко запирали двери. В городском храме службы шли регулярно, и люди ходили на них регулярно, но это была холодная регулярность. Точно так же и стрелки часов на башне ходят по кругу, оставаясь мертвыми.

Впрочем, было в этом городе несколько человек, которые по временам молились истово, со слезами и подолгу. Это были несколько «девочек» из заведения мадам Коко. Да, господа! В каждом европейском городе наряду с парикмахерскими, кафе и ателье верхней одежды непременно есть хотя бы один дом, войти в который можно по одной лестнице, а выйти – по другой. Это дом свиданий, веселый дом или публичный называйте как хотите. Если есть человеческое жилье, то могут быть и паразиты: грызуны, насекомые... Если есть цивилизация, то есть и одно из ее проявлений – древняя язва, неистребимое зло – проституция. Как-то окунувшиеся в разврат, кем-то обманутые, часто – задавленные нуждой, женщины, живущие в таких домах, никогда не остаются без работы. Потому-то и не совпадают там зачастую вход и выход, что незачем, краснея, встречаться в дверях соседу с соседом или профессору со студентом.

Жизнь в этих домах начинается тогда, когда в обычных жилищах мамы рассказывают детям на ночь сказки. А когда те же дети просыпаются утром и мамы выливают за дверь в канаву их ночные горшки, в «тех» домах наступает мертвая тишина. Неестественная жизнь имеет свой неестественный график. Во всем доме только несколько человек бодрствовали с наступлением утра. Это сама мадам Коко (никто не знал, когда она спит), уборщица и сторож,

он же – дворник и вышибала. Уборщица, мадам N, мыла полы, громко шлепая о пол мокрой тряпкой. Сторож, мужчина лет сорока, в прошлом – цирковой акробат, молча курил в углу прихожей. Рядом с ним, беззаботно болтая не достающими до земли ножками, сидела его дочь. На вид ей было лет шесть. Это было шуплое, слабо развитое дитя, похожее на маленького воробышка. Звали ее грозно. Звали ее так же, как некогда звали умную женщину, спасшую свой народ от врага. Во многих галереях мира вы при желании увидите в разные времена и разными художниками написанные картины под названием «Юдифь с головой Олоферна». Девочку звали Юдифь, но на языке ее страны имя звучало несколько иначе – Эдит.

Картинной галереи в их городе не было. Но даже если б и была, Эдит не смогла бы увидеть изображений своей знаменитой тезки. Эдит была слепа. Ее глазки смотрели прямо перед собой, но ничего не видели.

Женщины в доме мадам Коко любили девочку всей душой. Вся нерастраченная жажда семьи, материнства, вся жажда дарить, а не продавать любовь изливалась на эту слепую девочку. Ее тискали, прижимали к груди, ее носили на руках, причесывали, ее баловали сладостями.

«Если бы можно было купить ей новые глазки, я не пожалела бы всех своих денег», – говорила подругам долговая Элизабет. Ее собственная дочь жила в другом городе у бабушки. «Мы бы все не пожалели», – вторили ей женщины. Их любовь к Эдит была неподдельной. В этом доме, где грех обжился лучше любой ласточки, забравшейся под крышу, маленькая Эдит, казалось, воплощала ту нормальную жизнь, где женщина вечером ложится в постель к мужу и просыпается утром.

Мы уже говорили, что «воспитанницы» мадам Коко временами молились горячо и подолгу. Обычный человек вряд ли поймет, что такое молитва проститутки, да лучше бы ему этого и не понимать. Но ведь Страшного Суда еще не было. И не мы, а Христос, Тот Самый, Который распят за нас, будет этот Суд вершить. Эти женщины тоже любили Спасителя. Любили хотя бы за то, что Он не карает их немедленно, не испепеляет после очередного греха, но терпит и продолжает ждать. Вера жила в них в самой глубине сердца, и они стыдились выпячивать ее наружу. Но по временам раскаяние вздымалось волнами, обнажая дно души, и

слезы лились рекой, и горькие вздохи нельзя было слышать без содрогания. Это было нечасто и не у всех. Но это было, видит Бог, было.

Человек, зарабатывающий на жизнь в ночном заведении, вряд ли часто будет молиться в городском храме. Особенно если городок мал и все лица знакомы. Но неподалеку от этого городка был другой, кажется – Лизьё. В этом городе был монастырь, а в монастыре – мощи святой подвижницы. Святыня привлекала в обитель толпы паломников, среди которых было легко затеряться. Туда и ходили время от времени молиться и долговязая Элизабет, и курносая Жанна, и еще несколько их подруг по ремеслу и несчастью.

Есть, конечно, вещи, которые трудно забыть. Чаше всего забывать легче, чем помнить. Никто уже не вспомнит, как и когда к необычным паломницам пришла мысль согласно и усиленно молиться Господу о даровании зрения маленькой Эдит. Но ведь не родились же эти женщины сразу блудницами. У них были обычные матери, и эти матери читали своим дочерям Евангелие. Даже если они были неграмотны, они пересказывали детям то, что слышали в церкви. Так или иначе, обещание Спасителя исполнить любую просьбу, которую двое или трое согласно принесут Отцу во имя Его, падшим женщинам было известно.

Солнце уже встало, но еще не начало припекать, когда аккуратно и скромно одетые три «воспитанницы» мадам Коко уходили из города в направлении ближайшей обители. Рядом с ними, смешно перебирая ногами и держась за руки взрослых, шла Эдит.

Существует старое и святое предание о некой блуднице, которая, возвращаясь домой после совершенного греха, увидела мать, рыдающую над только что умершим младенцем. Сострадание прожгло сердце падшей женщины. Невыносимую боль этой матери она почувствовала как свою – и начала молиться. Она, конечно, сознавала, кто она; она знала, как не любит Бог разврат сынов и дочерей человеческих. Но боль сострадания покрыла собою все, отменяла стыд, прогнала сомнения, зажгла веру. Настойчивой была молитва и краткой...

Краткой – потому, что после нескольких горячих просьб блудницы Господь ответил чудом, Он оживил дитя. Дивны дела Твои, Господи!

Боже вас сохрани не верить в правду подобных историй. Это значило бы, что вы презираете грешников и не верите, что Бог может слушать их молитвы. А может быть, вы вообще не верите в силу Божию?

Лично я верю. Верю и в то, что было очень давно, и в то, что было гораздо позже. А позже было вот что.

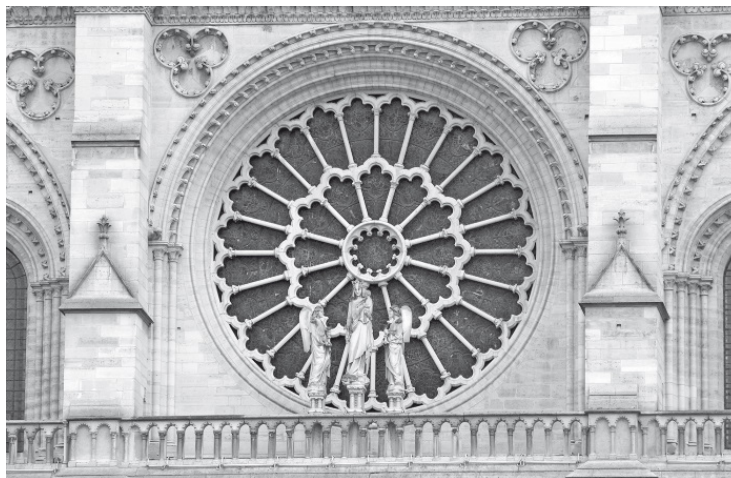
Несколько дней спустя по дороге из монастыря в город возвращались три женщины из дома мадам Коко. С ними, держась за руки взрослых, шагала маленькая Эдит. Она уже не смотрела прямо перед собой невидящими глазами. Она то и дело вертела головой в разные стороны и смотрела на придорожные деревья, на птиц в небе, на прохожих, идущих навстречу.

Девочка возвращалась зрячей. Она еще не привыкла к такой значительной перемене своей жизни и удивленно, снизу вверх, заглядывала в лица своих старших попутчиц. А те отвечали ей взглядами, полными любви. Глаза у всех троих были красными от слез, а лица сияли счастьем.

Если эта история не на сто процентов совпадает с действительностью, то неточности будут касаться лишь мелких деталей. По сути все сказанное – правда. И правда эта тем более очевидна, что девочка, прозревшая по молитвам падших женщин, известна всему миру. Помните, вначале мы сравнили ее с маленьким воробышком? Именно по этому прозвищу узнал ее впоследствии весь мир. Эдит Пиаф – ее сценическое имя. «Пиаф» на парижском арго как раз и означает – «воробышек».

Кирпич

– Мама, а знаешь, Кельнский собор начали строить в XIII веке и до сих пор не закончили.
– Угу. – Мама глядит в кухонную раковину, куда из крана льется вода. Мать моет посуду и вполуха слушает сына, вертящегося возле нее.

– Мама, а собор Нотр-Дам-де-Пари строили почти 200 лет, и он называется сердцем Парижа. Там Квазимодо на колокольне жил, помнишь?

– Угу. – Тарелки гремят, вода льется, и мать не оборачивается. – Откуда ты всего этого набрался?

– Я смотрел фильм по «Discovery» и записывал цифры и факты в тетрадку. А знаешь, какие еще соборы готические есть?

– Какие?

– Амьенский, Ахенский, Бернский. Их все столетиями строили. Представляешь, люди умирали и рождались, поколения менялись, а собор все строили и строили!

– Представляю.

– А еще во Франции были такие места, где больших камней не было. Туда в монастыри ходили люди и тоже долгие годы носили с собой камни. Ну, так им сказали монахи. Повелели или попросили. А когда камней стало много, из них стали соборы строить. Они и до сих пор стоят. Классно, правда?

Мать закрутила кран, повернулась к сыну и, вытирая полотенцем руки, спросила:

– И к чему ты мне все это рассказываешь?

– К тому, что я в лагерь еду от храма, а лагерь стоит там, где храм строят. А там кирпичей мало и люди бедные. Им нужно по кирпичу привезти.

– Как это по кирпичу?

– Просто. Каждый берет кирпич и везет. Это недорого и не тяжело. Кто-то два или три привезет, и они за лето храм закончат.

– Так тебе что, кирпич нужен?

– Ну да.

– Это – к папе. Не женское дело кирпичи носить. К папе.

* * *

Мальчика, пристававшего к маме, звали Елисей. Не шибко привычное по нашим временам имя, но красивое и, главное, церковное. Папа очень хотел назвать сына как-то так: Рафаил, или Захария, или Софроний. Папа был интеллигентнейшая и глубоко верующая душа не вполне от мира сего, и мама смирялась с его особенностями, здраво рассуждая, что иные жены смиряются с вещами похуже. Рафаила и Захарию она отмела, а на Елисея согласилась, о чем сама никогда потом не жалела. Через день после описанного диалога Елисею предстояло путешествие в церковный летний лагерь, куда организаторы в плане помощи местному приходу просили привезти по кирпичу. Дело хорошее, не тяжелое и на века зримо остающееся вкладом в молитву Церкви. Вопрос оставался за малым— найти кирпич.

* * *

Илья Ильич (звали папу так же, как Обломова, но характеры его и литературного героя не совпадали) был человеком добрейшим и культурнейшим. Он был несколько наивен, зато весьма активен и последователен. Совесть Ильи Ильича требовала от него великой щепетильности. То, что другие берут без спроса, а потом спят спокойно, он непременно покупал или просил в подарок, обещая достойную замену. А иначе, простите, был не обучен.

Кирпичи у нас продаются оптом на складах стройматериалов, а в розницу – на стройках. Но и там розница – это не один кирпич, а тачка, кузов «жигуля» или нечто подобное. Илья Ильич нашел стройку и стал высматривать, кто мог бы ему кирпич продать. Двое похожих на тех, что действительно могут продать кирпич в темном переулке, стояли у плиты подъемного крана и курили.

– Простите, вы не могли бы мне продать кирпич?

– ?

– Я спрашиваю: кирпич не могли бы мне продать?

– А сколько тебе?

– Один.

– ?

– Понимаете... – Илья Ильич начал сбивчиво объяснять что-то о лепте на храм, о Елисее, едущем в лагерь, о Кельнском соборе и поймал себя на мысли, что в глазах этих добрых людей он выглядит не очень адекватно. Они и сами поняли, что имеют дело с кем-то непривычным, но безобидным.

- Бери кирпич и иди, – буркнул один, отщелкивая пальцами окурок.
- А сколько он стоит, и кому заплатить?
- Ты че – в натуре идиот или прикидываешься?

* * *

Так кирпич был приобретен. Оставалось теперь только узнать его цену и отдать ее кому-то в виде милостыни, раз добрые рабочие согласились благотворить бесплатно. Ну а пока...

- Иля! – Так мама ласково называла папу. – Откуда в ванне столько грязи?
- Я мыл кирпич. Не повезет же мальчик на стройку храма грязный кирпич.
- Иля, ты не исправим. Это же просто кирпич! Ты в своем уме?
- Сонечка, я в своем уме и поступаю совершенно правильно. Лучше скажи мне, кому отдать деньги за кирпич, потому что я себя неудобно чувствую. Кстати, сколько он стоит?
- Не смейся людей. Он ничего не стоит. У нас от дома отвалилось сразу три кирпича. Бери любой.
- У нас от дома? А ведь это идея! Мы возьмем кирпич от нашего дома и вложим его в стены будущего храма! Как тебе это? Где они лежат?
- Да под балконами со стороны клумбы.
- Я возьму этот кирпич и положу его на место того, да?
- Ты с ума меня сведешь своими причудами. Делай что хочешь и уходи из ванной. Я уберу за тобой. Ну хуже ребенка!

* * *

Если вы думаете, что заменой кирпичей все кончилось, то вы не знаете Илью Ильича. Сначала он действительно заменил кирпичи, стараясь класть свой точно на место выпавшего из кладки дома. Но потом он подумал, что сразу три кирпича – это символично. Причем все три – из их дома, а семья у них как раз состоит из трех человек. В общем, втянув ноздрями сладкий воздух повседневной мистики, Илья Ильич взял все три кирпича домой и, конечно, вымыл их в ванне с мылом. Потом он подумал, что тот, четвертый кирпич, который по счету – первый, не стоит оставлять на месте трех. Как-никак, один – это не три и замена неравнозначна. Он

решил взять все четыре кирпича, а цену их узнать и в ближайшее воскресенье отдать нищим у входа в их приходскую церковь.

Узнавание в Интернете цены товара, мытье стройматериалов и укладывание их в багаж весь вечер сопровождалось то истеричным смехом, то гневным криком мамы. Но дорогу осиливает идущий, и близко к полуночи дело было сделано.

* * *

Скажите, если вы помогаете кому-то нести багаж, а он оказывается весьма тяжелым, то что вы спрашиваете? Вероятно, вы спрашиваете хозяина багажа: «Ты что, туда кирпичей наложил?» Именно этот вопрос задавали Елисею все, кто хоть пальцем трогал его дорожный чемодан. И всем им он отвечал искренно: «Да, кирпичей наложил».

* * *

Добрались они до места хорошо, и смена в лагере прошла отлично, и храм в соседнем селе действительно за лето подняли и успели накрыть. Все четыре Елисеевых кирпича вкуче с прочими дарами и жертвами пришлось кстати. И цена кирпичей отцом была узнана, но оказалась она столь скромной, что пришлось умножить ее еще на четыре, чтобы воскресная милость Илья Ильича оказалась достаточной, а не обидно ничтожной.

Вы, вероятно, смеялись, читая эту историю, – уверяю вас, я сам смеялся, когда мне рассказывали ее. Но согласитесь, есть в ней еще кое-что кроме повода к смеху. Есть в ней некая преувеличенная серьезность в творении маленьких добрых дел.

Вполне возможно, что серьезность эта, смешная и наивная, как-то компенсирует ту тотальную и всеобщую несерьезность большинства людей в отношении и добрых дел, и повседневных обязанностей.

Сказка

Хочу поделиться радостью – пересказать полезную и прекрасную идею. Не я придумал. Я только услышал. За что купил, за то и продам. Это не голая идея, а идея, одетая в форму сказки. Сказка, как шубка, тепла и пушиста.

Слушайте.

* * *

Один король с женой и единственной дочкой отправился в путешествие на корабле. Их корабль попал в шторм и, разбитый волнами, утонул. Погибла вся команда, но Бог сохранил короля и его семью. Их выбросило на берег, и там, в лохмотьях, как нищие, они стали искать ночлег и пищу. Никто из них даже не заикнулся о том, что они – особы благородной крови. Кто поверил бы трем оборванцам? Их могли бы и высмеять, а то и подвергнуть побоям. Ведь не все любят нищих, а уж наглых нищих не любит никто.

Так случилось, что один из жителей той страны приютил у себя несчастных, а взамен повелел пасти свое стадо овец. Король стал пастухом, а королева и принцесса – женой и дочкой пастуха. Они не роптали на судьбу, только иногда по вечерам, сидя у огня, вспоминали жизнь во дворце и плакали.

Король той страны, где они очутились, искал невесту своему сыну. Несколько десятков пар гонцов разъехались в разные концы королевства в поисках самой красивой, самой умной и самой благочестивой девушки. Они получили от короля приказ не пренебрегать дочкой даже самого последнего бедняка. Ведь умыть, приодеть и научить манерам можно любую, а дать человеку ум или целомудрие гораздо сложнее, а то и вовсе невозможно. Поэтому гонцы беседовали со всеми девушками, присматривались к ним, просили угостить едой, которую те приготавливали. Все, что видели они, записывалось в специальные книги, и затем мудрейшие придворные изучали записи в поисках лучшей невесты принцу.

Увидели гонцы и дочку бедного пастуха, начавшего было забывать о своей королевской короне. Дочка была прекрасна. Она и в простой одежде была так грациозна, словно была одета в дорогое платье. Солнце сделало ее смуглой, а свежий воздух обветрил лицо, но это только добавляло ей миловидности. Что же касается разговора, то восторгу послов не было предела. Столько ума и такой эрудиции они не встречали и при дворе. Нужно было доложить о ней принцу. Тот, услышав о красавице-простолюдинке, не ждал ни секунды, и вскоре его взмылен-

ный конь уже стоял у порога пастушьей хижины. Принцу хватило нескольких минут, чтобы сердце его заняло от глубокой любовной раны, исцелить которую могла лишь та, чей взгляд эту рану нанес.

И дело, казалось, было решено, но странно вдруг повел себя отец. Этот пастух, который во сне иногда все еще видел себя королем, потребовал от принца знаний какого-то ремесла. «Вы должны, – сказал он принцу, – уметь делать что-то руками. Неважно что». – «Но я – принц. Я умею разбирать дела государства, владеть шпагой, принимать послов и подписывать договоры», – с удивлением отвечал молодой человек. «Да. Это правильно. Но я хочу, чтобы вы знали ремесло плотника, или ювелира, или портного, или любое другое. Если нет, дочь моя не станет вашей женой».

Видит Бог, каких усилий стоило принцу не заколоть на месте этого наглого пастуха. Но принц сдержался. В тот же день он уже ходил по базару, присматриваясь к работе ремесленников. Кузнецы, чеканщики, повара, ловцы птиц, сапожники... Как их много, и как тяжел их труд. Обучаться любому из ремесел придется долго, а всякий, кто знает томление любви, согласится, что ожидание – худшая мука для влюбленных.

Принц остановил свой выбор на человеке, плетущем циновки. Два дня он учился, и к концу второго дня три циновки были худо-бедно сплетены руками королевича.

С изделием своих рук опять стоял королевич перед лицом отца своей избранницы. Пастух держал в руках и пристально рассматривал труд будущего зятя.

– За сколько можно это продать? – спросил он.

– За две медные монеты каждую.

– Как долго ты их плел?

– Два дня.

– Два дня, три циновки, шесть монет, – произнес отец и вдруг сказал. – Бери в жены мою дочь!

Принц даже подпрыгнул от радости. Затем обнял отца. Затем подошел к раскрасневшейся избраннице и, склонившись на колено, поцеловал ей руку. Но затем он повернулся к будущему тестю и спросил голосом не жениха, но будущего короля: – Объясните мне свое поведение.

– Видишь ли, сынок, – отвечал пастух, – я ведь тоже был король. Я водил войско в битву, и подписывал законы, и вслушивался в доклады министров. Никто не мог подумать, что я буду оканчивать жизнь простым пастухом. А когда Бог изменил мою жизнь, больше всего я страдал оттого, что не умел ничего делать по хозяйству. Если бы я умел плести циновки, то шесть монет за каждые два дня сильно помогли бы моей семье.

* * *

Вы прослезились, господа? Если нет, то сердце ваше жестоко. Я смахиваю слезу всякий раз, когда пересказываю эту историю. А пересказываю я ее не первый десяток раз.

Мы хотим, чтобы дети наши подписывали важные бумаги и ездили в дорогих машинах. Но жизнь может сложиться по-всякому. Вдруг им придется держать в руках лопату, ходить пешком и утолять жажду простой водой? Тогда они, изнеженные и не способные к простой жизни, проклянут нас. Эта мысль была понятна многим. Солон, древний мудрец и творец законов, разрешал детям не кормить на старости того отца, который не научил сына ремеслу. И апостол Павел много послужил проповеди Евангелия тем, что ничего не брал у паствы, но нуждам его служили его собственные руки, владевшие ремеслом делателя палаток.

Это была сербская сказка, господа. И люди, сложившие ее, кое-что понимали в жизни, хотя западный мир с презрением и называл их свинопасами. Если в головах свинопасов живут такие высокие мысли, то я, господа, готов обнимать таких свинопасов, как братьев, и спокойно проходить мимо «звезд», о которых пишут в журналах.

Лебедь, или Вечер Сен-Санса

Мишка был крепкий парень и не робкого десятка. Отжимания на кулаках, пробежки в любую погоду, спарринги и все такое. Но те двое, которым он попался на зубок поздно вечером у ларька с сигаретами, оказались крепче. Вот уже несколько лет прошло, как Мишка на кулаках не отжимается, по мешку не бьет и в парах не стоит. Вместо этого Мишка всем улыбается и через каждые тридцать секунд странно подергивает головой. Работает он ввиду полной своей безопасности в детском садике дворником.

Зато Григорий как занимался любимым делом, так и занимается. Хотя он и не здоровый вовсе, и его, как и всех в нашем городе, рано или поздно встречали вечером такие люди, после общения с которыми тоже можно начать всем улыбаться.

Гриша – представитель самой немужественной в глазах нашего нордического населения профессии. Гриша – скрипач. Ни разводной ключ, ни молот, ни тугая баранка старого грузовика мозолей на Гришиных руках не оставили. Весь спектр своих чувств он, в отличие от нормальных пацанов и мужиков, одним только матом выразить не способен. И в плечах он не широк, и смотрит на мир открытым взглядом, а не из-под неандертальских надбровных дуг. Даже плюнуть сквозь зубы у него получается только на метр, а не на три, как у любого нормального в нашем городе человека. И тем не менее какая-то сила в нем есть. А иначе как бы он до сих пор играл на своей скрипке, если даже такие парни, как Мишка, уже несколько лет всем улыбаются?

* * *

С какой-то репетиции в один из ветреных, холодных вечеров Гриша шел домой. Шел, срезая углы и петляя по дворам, в которых шутки ради малолетками выбиты все лампочки у фонарей; шел дворами, в которые заходят только знатоки маршрута, например пьяные, возвращающиеся после получки домой в состоянии глубокого алкогольного обморока. Через такие дворы быстрым шагом петлял, идя с репетиции домой, и Гриша, подняв воротник плаща, мурлыча обрывки мелодий, мечтая о горячем чае с лимоном.

Сиплый густой баритон неожиданно отвлек Григория от уютных мыслей:

– Сюда иди.

Несколько окон без занавесок лили жидкий свет на мокрый лабиринт двора, на поломанную детскую площадку. Из полного мрака в относительную полутьму по направлению к нему выступили две фигуры:

– Деньги давай.

Когда бежать некуда, а драться бесполезно, просьбы, произнесенные сильным голосом, нужно выполнять. Если, конечно, эти просьбы в принципе выполнимы. Если, то есть, у человека есть принципы, соблюдая которые, ему скорее придется распрощаться с жизнью, чем исполнить неисполнимое. «Деньги – дело наживное, – так всегда говорила Григорию мама. – Нужно отдать – отдавай не жалея. Потом еще заработаешь». «Деньги – не принцип», – всегда думал Григорий. Он достал из кармана все бумажки и все копейки, которые там были.

– Это все?

– Да.

– А это что?

Рука обладателя сильного баритона коснулась футляра за спиной.

– Скрипка.

– Ты че – скрипач?

– Да.

– А она дорогая? – спросил второй надтреснутым голосом.

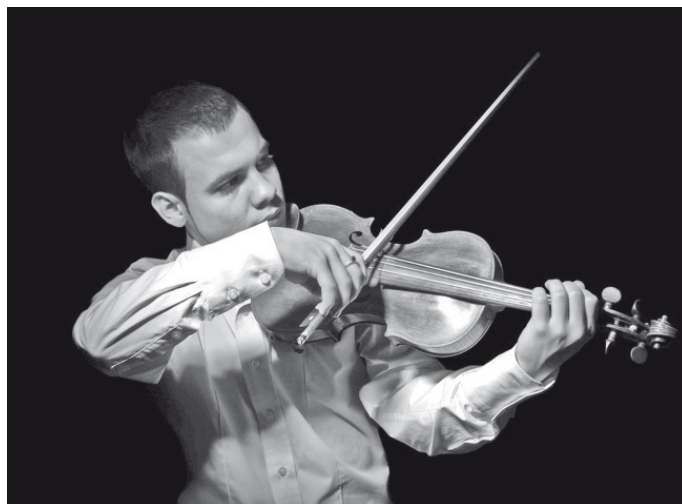
– Я ее не отдам, – сказал Григорий, – да она вам и не нужна. Вы ее нигде не продадите.

– А сыграть сможешь?

– Смогу, конечно.

– Пойдем.

Они зашли в ближайший подъезд и поднялись на площадку между первым и вторым этажами. Граффити на тему половой жизни обитателей дома, окурки, выбитое стекло – все как везде. Григорий с минуту дышал на пальцы и тер ладони друг о друга, разглядывая попутно неожиданных слушателей. А те с насмешкой в хищном взгляде, в свою очередь, рассматривали этого Паганини, который снимал с шуплых плеч футляр и готовился играть.

– Нам чего-нибудь нашего, – сказал баритон.

– «Мурку», что ли? – спросил, осмелев, Григорий.

– Типа того.

– «Мурку» я не играю. Я играю серьезную музыку. Вот сейчас мы репетируем ораторию Сен-Санса.

– Слушай, Чиполлино, нам это... как тебе сказать? Нам непонятно будет, въезжаешь?

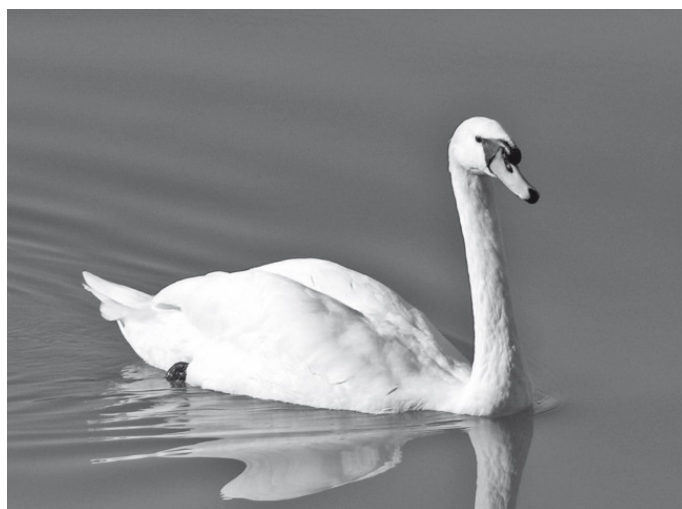
– Это вам так кажется. – Григорий уже изрядно осмелел и почувствовал себя не в лапах чудовища, а в диалоге с людьми. Он почувствовал, что больше непрошенных слушателей начинает владеть ситуацией. – Серьезная музыка понятна всем. Вы когда-нибудь лебедя видели?

– Ты что, издеваешься?

– Ну вот представьте себе лебедя. Представьте, как он плавает по тихому озеру и вода мягко расходится за ним едва заметным шлейфом. Закройте глаза и представьте. А я сыграю произведение, которое называется «Лебедь». Это тоже Сен-Санс, ораторию которого мы сейчас репетируем.

Два человека зажмурились, а третий, взяв несколько нот для пробы, начал играть. Нужен был фотоаппарат, чтобы заснять эту «встречу на Эльбе»! Это было похоже на столкновение двух цивилизаций. Одна цивилизация была сурова. Она выжила в снегах ледникового периода, вырастив на сердце и на всем кожном покрове грубую защитную броню. А вторая, наоборот, долго обрезывала и очищала сердце, делая его чутким и восприимчивым к любому прикосновению. Два представителя первой цивилизации стояли непривычно для себя самих – закрыв глаза, представитель другой водил смычком по струнам и сам в это время был похож на струну натянутую и звенящую. А между ними, в согревшемся от игры воздухе, царственно плыл по тихому озеру лебедь Сен-Санса. Он иногда окунал голову в воду, иногда прятал ее под крыло. Но он все время плыл не останавливаясь, и озеру, казалось, не было конца.

Через несколько минут игры надтреснутый голос вскрикнул:

– Стой! Стой! Вот здесь теплее надо!

Григорий улыбнулся в ответ и стал играть теплее, а кричавший, закрыв глаза, продолжил слушать. Он действительно понял эту музыку, и радость понимания грела его не меньше, чем звуки скрипки.

Дом резонировал. Звуки уходили вверх, усиливались, заставляли подрагивать невыбитые стекла. Музыка без стука заходила в дома, сначала раздражая непривычностью, а затем совершая умиротворяющее помазание. Люди открывали двери квартир, чтобы закричать «Уйдите!» или «Перестаньте!», но не кричали, а оставались у открытых дверей и слушали. После «Лебедя» из «Карнавала животных» Гриша сыграл еще «Рондо Каприччиозо», и когда он заканчивал, из-под закрытых век баритона вытекла скупая и жгучая слеза, какими плачут люди, пережившие ледниковый период.

* * *

Они, конечно, отдали Григорию все его деньги, а может, и додали своих. Они проводили его домой, чтобы никто пальцем не тронул Паганини («Сам знаешь, что у нас по вечерам случиться может»). Они бы и поблагодарили его на все лады, но слов в лексиконе было маловато, и большую часть своего восторга они, размахивая руками, выражали матюками и междометиями.

Все трое в ту ночь засыпали улыбаясь. Но это была не та улыбка, которой встречает незнакомых прохожих некогда крепкий парень Мишка.

Обычно бес стоит незримо между людьми, нашептывая помыслы, провоцируя вражду, подталкивая на злодеяния. А между этими тремя людьми в сей вечер тихо и неторопливо проплыл лебедь. Он проплыл, перед глазами одних открывая красивую и неизведанную жизнь, а в глазах другого подтверждая ту истину, что люди изначально хороши, и если плохи, то лишь потому, что сами не знают себя настоящих.

В маленьком городке на границе

Раньше границы не было, поскольку не было и страны. Была республика на краю огромного государства. Потом государство умерло, распалось на множество частей. В городке появилась таможня и пограничный пост. Все здесь было обычно, тихо, даже как-то смиренно. Железная дорога, пара средних по классу гостиниц, кафе, магазин, церковь. В церкви служил отец Станислав. Служил долго. Уже перевенчал давно всех, кого когда-то крестил. Жизнь стирала его долго то в ручном, то в машинном режиме. Стирала и с порошком, и с хозяйственным мылом. Но он не поблек, не выцвел. Выцвел только подрясник да на локтях протерся плащ.

Местные относились к нему так, как вообще относятся к местным достопримечательностям. Этакая смесь уважения и безразличия.

В Пизе любой вас проводит к Пизанской башне, но сам восхищаться не станет. Ну башня. Ну криво стоит. Вам интересно? Приезжайте, проводим, покажем, предложим сувениры на память.

К отцу Станиславу приезжали многие, и все в городке могли сопроводить пилигрима в маленький домик недалеко от ратуши. Проводить могли, но сами не заходили. Близость к чуду – мать безразличия.

* * *

Приезжавшие были из умников. Причем чаще – из столичных умников. Это были бородачи в вязаных свитерах, очкарики в плохо выглаженных рубашках, шальные богемные интеллектуалки с обгрызенными ногтями. У себя дома на кухне, в клубах табачного дыма под чай с коньяком они спорили о превосходстве Исаака Сирина над Франциском Ассизским. Многие, вопреки начитанности, были некрещеными. Пойти в любую церковь к любому батюшке им казалось непозволительным. Поэтому, если разговор касался крещения, звучало часто: «Езжай к отцу Станиславу». Затем назывался город и перечислялись удобные способы путешествия.

* * *

Отец Станислав всех принимал, хотя никого не ждал, и к приезжавшим относился сдержанно, без напускной радости. К ритуалу гостеприимства относился обед или ужин, в зависимости от времени визита. Потом долгие разговоры за полночь. Утром – служба. Вечером он

проводил гостя на вокзал. Сразу никого не крестил. Только во второй или третий приезд. По дороге на поезд всегда останавливались в небольшом кафе для прощальной беседы. Это был своего рода экзамен. Они садились за столик у окна, и официантка без лишних просьб приносила чай, орешки, конфеты, два куса торта.

Разговоры бывали разные. Могли спорить на исторические темы, могли обсуждать толкования на священные тексты, разбирали богослужение, размышляли о смерти. Примерно через полчаса, когда чай уже остыл или был выпит, торт съеден, а от конфет остались обертки, отец Станислав начинал суетиться. Он счищал остатки с обоих блюдец в одно, собирал фантики, сдувал со стола крошки. Он пододвигал посуду к краю стола, чтобы официантке было легче убирать. Он делал это, не переставая слушать собеседника, и вовремя отпускал реплики по поводу Вселенских Соборов, влияния платонизма на богословие, важности Великого поста. Бывало, что увлеченный беседой гость говорил собирающему блюдца священнику: «Да бросьте, отче. Она сама уберет». Это и был главный момент в экзамене.

* * *

Расплатившись и выйдя на улицу, они медленно шли к вокзалу с красной черепичной крышей. Уже на перроне, под звук молоточков, которыми обходчики обстукивали колеса, священник говорил гостю: «Рано вам пока креститься. Вы людей не цените и не замечаете. Если покреститесь, будете фарисеем. А это плохо. Они Бога убили».

Затем следовало рукопожатие, и ошарашенный гость проводил взглядом удалявшегося священника. Тот шел медленно, немного сутулился и, кажется, чуть хромал.

Такие истории происходили несколько раз. В конце восьмидесятых поток приезжавших заметно уменьшился. Отец Станислав об этом не жалел. Даже немножко радовался. Молиться за людей он не переставал, а лагерный опыт научил его навсегда той истине, что молитва за людей приносит больше плодов, чем устное наставление.

Отец Василий

Его палата находилась почти в конце коридора. Выход из лифта, поворот налево, двадцать шагов по свежевывытому линолеуму мимо столика дежурной медсестры, осторожный стук в дверь, и вот мы уже в палате. Кроме отца Василия, больных в палате нет. Есть только стойкий запах лекарств, какое-то питье на тумбочке и огромное окно во всю стену.

Мало того, что новая больница весьма высока и мы находимся на одном из последних ее этажей, она еще и построена на горе. Отсюда был бы виден весь город, вырасти она где-нибудь поближе к центру. А так, на окраине, из окон ее верхних этажей видны только новостройки «конца географии» да загородные поля.

Я помню вид из подобного окна в другой палате этой же самой больницы. Там за окном тогда было страшно много ворон. Они облепливали крыши домов напротив и голые ветки деревьев и какое-то время сидели молча. А потом вдруг, как по сигналу, с истошным карканьем поднимались в воздух, принимали вид большого, колышущегося живого ковра и носились с полминуты в сыром осеннем воздухе, чтобы облепить затем другие крыши и другие деревья. Можно было подумать, что Хичкок за окнами командует вороньем на съемках своего знаменитого триллера. И это выглядело мистично, тем более что в палате лежал тогда человек с очень серьезным недугом и будущее было в тумане, и мы оба – больной человек и я – молчали, следя за перемещениями в воздухе черного каркающего живого ковра.

А в тот день в палате у отца Василия ворон за окном не было. За окном вообще не было ничего, и само окно было черным, как огромный экран плазменного телевизора, потому что на часах уже было восемь вечера и был ноябрь. Нас было трое: двое пономарей храма, где служил отец Василий, и семинарист, приехавший домой на пару дней.

– Благословите, отче, – сказали мы, окружив кровать.

– Бог благословит, – сказал священник, и было видно, что слова дались ему с трудом, что губы запеклись и прилипли к пожелтевшим зубам, что весь он высох и как бы уменьшился в размерах и что особой радости своим посещением мы священнику не доставили.

Пока один выкладывал на тумбочку апельсины, другой рассказывал о новостях в храме, о том, что прихожане молятся о больном священнике, что на последней службе причастников было так много, что пришлось причащать из трех чаш. Отец Василий пытался улыбнуться, пытался придать лицу выражение заинтересованности. Но у него это плохо получалось. А мы были слишком глупы и слишком «добродетельны», чтобы понять простую вещь: элементарное человеколюбие требует, чтобы мы немедленно ушли. Ушли и оставили человека наедине с болью, со стонами, рожденными болью, с мыслями о смерти, с молитвами, произносимыми

шепотом. Но мы тогда исполняли заповедь «болен был, и посетили Меня», поэтому сидеть собирались долго, хоть это и мучило больного.

Когда новости были рассказаны, а молчание стало тягостным, я, словно дополняя меру благочестивого безумия, брякнул: – Вы, отче, здесь молитесь?

Он повернул голову в мою сторону и посмотрел на меня таким же теплым взглядом, как смотрел мой дед, и сказал тихо: – Без молитвы, сынок, можно с ума сойти.

Эти слова стоят дорого. Очень дорого. Я часто перетряхиваю пыльный хлам воспоминаний и не могу похвалиться, что в архивной папке с надписью «Былое и думы» у меня много таких сокровищ.

И я любил отца Василия. Любил потому, что он был похож на покойного дедушку. Такой же высокий, смуглый, крепкий в кости. С открытой душой и красивым лицом. Любил потому, что молился он как-то особенно искренне. Настолько искренне, что даже попы (а попы редко хвалят попов, уж поверьте мне) говорили о нем: «Он с Богом разговаривает». Правда, тут же, рядом, они не забывали вспомнить, что видели его как-то в Великую Пятницу пьяным и что бывает он временами груб и так далее. Все это произносилось «как бы» не в осуждение, а беспристрастной правды ради; и не со злобой, а с чувством объективности и со вздохом: мол, все мы грешные. Но образ отца Василия в моих глазах не мерк и не загрязнялся. Зато те, кто это говорил, в моих глазах становились ниже, словно слазили со стульчика на заднем плане групповой фотографии.

Ну и что, что видели его пьяным? Его и с сигаретой могли увидеть. Но дедушка мой тоже курил, а люблю я его от этого не меньше. Он курил по полторы-две пачки сигарет без фильтра, которые назывались «Аврора». Он курил их одну за одной и поминутно повторял краткую фразу, смысл которой я уразумел много лет спустя, после его смерти. «Господи Иисусе Христе, прости мою душу грешную», – говорил мой дедушка. Даже за однажды сказанные эти слова я простил бы ему все выкуренные сигареты, а он не однажды, а постоянно твердил их шепотом.

Отец Василий был лучшим священником, которого я знал. И обидный кошмар ситуации заключается в том, что я почти не знал его, вернее, знал очень мало. Он любил Почаев, потому что при Польше учился там в семинарии. Каждый год по несколько раз он ездил туда помолиться. Однажды я бегал после службы в автобусную кассу ему за билетом, а билетов не было, и я вернулся взмыленный и ужасно расстроенный. Он тогда улыбнулся и сказал: «Ничего. Попрошу сына, он завезет».

Выходя после литургии на улицу и видя нас, пономарей, заваривающих чай в пономарке, он спрашивал: «А что будет после ча-а-а-ю?» И сам же отвечал: «Воскресение мертвых».

Однажды на вечерней службе, когда была его черед служения, я читал Шестопсалмие. Потом вошел в алтарь, и он похвалил меня за то, что читал я громко и четко выговаривал слова. А потом разговорился, стал вспоминать монахов, которых знал, говорил, что они самые счастливые люди, если только по-настоящему монашествуют. А я, говорит, всю жизнь хотел и Богу, и жинке угодить. Вот умирать скоро, а и Богу не угодил, и жинка вечно недовольна.

Еще вспоминал, что один старый монах в Почаеве говорил ему после окончания семинарии: «Вот, Васенька, доброму тебя научили, плохому ты сам научишься».

Вот вроде бы и все, что я знаю. Этого мало, чтобы любить человека. Мало в том случае, если любишь «за что-то». А если не «за», а просто, тогда – очень даже много. Да это и не все. Я помню, как он крикнул на людей во время проповеди. Они шушукались, а он треснул по аналою своей широкой ладонью и гаркнул: «Горе имеем сердца!»

И еще рассказывал, как на первом своем приходе в селе на похоронах стал слезливо завывать по обычаю местного духовенства. Стал говорить о том, что покойник жил с женой душа в душу, что в семье у них был мир, что у всех разрываются сердца от боли при мысли о прощании с ним и т. п. А потом, уже по дороге с кладбища, какая-то женщина старшего возраста сказала ему, что, дескать, нес он полную чушь, и всем было стыдно слушать, и первый, кто с облегчением после смерти покойника перекрестился, была его жена. И я, говорил отец Василий, с тех пор навсегда прекратил брехливые и слезливые проповеди рассказывать.

Точно! Подтверждаю и свидетельствую. Ни брехливых, ни слезливых проповедей он, в отличие от многих, не рассказывал!

Тех, кто непременно умрет, из больницы стараются выписать. Чтобы не увеличивать смертную статистику. Поэтому отец Василий умирал дома.

Я был у него еще раз, но уже один. Был недолго, потому что мучился укорами совести после того посещения в больнице. Я даже держал его за руку, а он, не стеснясь моим присутствием, шумно вздыхал и иногда охал. Потом я услышал: «Да сколько же еще, Господи. Или туда, или сюда». Потом опять раздался звук глубоких и нечастых вдохов и выдохов.

Путь «сюда» ему уже был заказан.

А через несколько дней он ушел «туда», в «путь вся земли», в неизвестную и грозную вечность, где ждет его Бог, Которому он так и не угодил, куда провожают его рыдания жены, которая всю жизнь была недовольна.

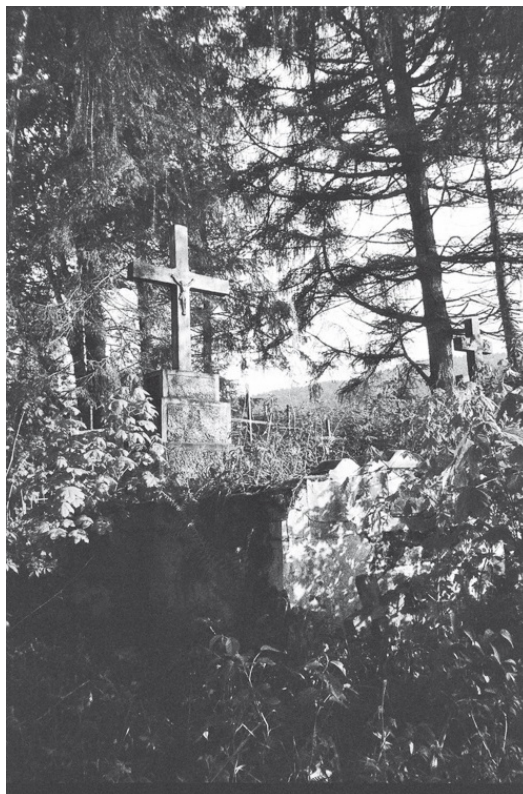
И мы хоронили его как положено, и это были, кажется, первые похороны священника в моей жизни. Первые похороны священника были похоронами лучшего священника в моей жизни.

Я так много узнал тогда.

Он был облачен в полное облачение, которое, как выяснилось, нужно приготовить задолго до смерти. Ему закрыли лицо воздухом. Оказывается, потому, что священник лицом к лицу годами разговаривал с Богом, как Моисей. А Моисей, сходя с горы, закрывал лицо куском ткани, чтобы евреям не было больно смотреть на исходящее от него сияние.

И в руках у него был не только крест, но еще и Евангелие, которое он должен был всю жизнь проповедовать. И на самом погребении из Евангелия читалось много-много отрывков, перемежаемых молитвами и псалмами, а похороны были долгими, но ничуть не утомительными. И мы несли его на плечах вокруг храма под редкие удары колокола и пение Страстных ирмосов, таких протяжных, таких грустных и одновременно величественных. «Тебе, на водах повесившаго всю землю неодолимо, тварь, видяще на лобном висима, ужасом многим содрогашеся...»

Я бы наверняка всплакнул, если бы не помогал нести гроб. Но гроб был тяжел, а идти нужно было в ногу, и плакать было невозможно.

Сколько лет прошло с тех пор? Да немногим меньше, чем количество лет, вообще прожитых мною к тому времени. То есть я без малого прожил еще одну такую же жизнь с тех пор. С тех пор я видел очень много священников. И хоронил многих. Причем и обмывал, и облачал многих собственноручно. Это дико звучит, но я люблю молиться об усопших священниках, люблю ночью читать над усопшими иереями Евангелие. Они входили во святое святых. Они носили льняной ефод. Они совершали ходатайство о словесных овцах. Царство им всем Небесное. Но отец Василий до сих пор остается в моей душе как лучший священник. И это, как ни крути, хоть что-нибудь, но значит.

Я думаю даже, что малый объем моих знаний о нем – тоже благо. Ну, знал бы я больше, ну общался бы с ним дольше, что из этого? Увеличение фактических знаний само по себе ни к чему не приводит. И сами факты без интерпретации совершенно бесполезны. Они никогда и никому ничего не доказывают. Они просто лежат перед тобой, как куча камней, которую не объедешь, и каждый таскает из этой кучи то, что ему нравится.

Факты могут мешать, мозолить глаза, заслонять собою суть событий. Они могут пытаться переубедить душу, разуверить ее в том, что она угадала и почувствовала.

Что-то почувствовала моя душа в этом священнике, который чем-то был похож на моего покойного дедушку. И того, что я знаю о нем, мне вполне хватает, чтобы по временам говорить: «Упокой, Господи, душу раба Твоего» – с таким чувством, что молишься о родном человеке.

Помогите Иисусу Христу!

В одном большом селе, где была одна церковь и два магазина, возле клуба на доске объявлений появился плакат: «Помогите Иисусу Христу!» Плакат был написан от руки тушью на большом куске ватмана. Внизу приписка: «Сбор добровольцев в 16.00 во дворе храма», а в правом верхнем углу мелкими буквами: «Срочно всем, всем, всем!»

Уже в половине четвертого во дворе церкви былолюдно. Пришло много женщин с едой и лекарствами. Они шептались между собою о том, что Иисус, быть может, пришел опять на землю. И какое счастье, что именно к ним. Может быть, Он голоден или болен? Каждая готова была взять Его к себе в дом, разве что боялись мужей. Еще бы! Эти грубияны не читают Евангелие, а по воскресеньям идут не в храм, а на охоту или рыбалку.

Впрочем, и мужчин собралось немало. Они несли в тяжелых и загорелых руках кто винтовку, кто тесак, кто топор. Быть может, думали они, Христу нужны наши сильные руки?

Ровно в четыре дверь храма со скрипом открылась и наружу вышел священник. Народ замер и, вытянув шеи, желая разглядеть за спиной у пастыря готовящегося выйти Господа. Но за спиной была лишь открытая дверь и полумрак церкви.

– Люди, – сказал священник громко, – слушайте!

Народ замер. Все дышали в полвздоха, и, если б можно, перебили бы всех коров, как раз замычавших на дальнем выгоне.

– Вы знаете сами, и я говорил вам об этом часто, – продолжил священник, – что Господь наш Иисус Христос покорил мир, но не мечом, не огнем, не деньгами и не интригами. Он покорил мир любовью и проповедью. Ангелы удивлялись этому и просили: «Разреши, мы накажем грешников». Но Господь отвечал: «Нет, потерпите». Тогда Ангелы сказали: «Дай и нам возможность проповедовать и быть за это увенчанными». Но Господь сказал: «Это делают люди». Содрогнулись Ангелы и в страхе сказали: «Но ведь люди слабы и непостоянны. Они болеют и умирают. Слаба их память, и мягкое у них сердце». Но Господь сказал: «Я верю людям. Я Сам стал человеком. Потрудятся Петр и Павел. Потом придут другие». После этого Ангелы больше не спрашивали, а Господь больше не отвечал. Но Его очи и очи Ангелов с тех пор смотрят на землю внимательно.

Голос священника зазвучал громче:

– Кто из нас готов помочь Иисусу Христу разнести по Вселенной Его Евангелие?

– Далеко ли нужно идти и на каком языке проповедовать? – спросил один из стариков.

– Для начала, – ответил священник, – простите друг другу долги, помиритесь с обидчиками и покайтесь, если кто утаил чужое или изменил жене!

Шум пробежал меж людей, как рябь пробегает от ветра по поверхности озера.

– Потом мы объявим пост и будем усердно молиться. Выберем способных юношей и отправим их учиться языкам, чтобы затем пойти во все страны с проповедью. Мы будем помогать тому из нас, кто болен, научим всех петь псалмы. Затем закроем кабаки...

На слове «кабак» шум мужских голосов перекрыл голос священника.

– Ты обманул нас, отец. Мы пришли помочь Самому Иисусу, а видим тебя и слушаем то, что ты по воскресеньям рассказываешь нашим женам.

Мужики, ворча и поругиваясь, стали медленно расходиться. Некоторые досадно сплевывали.

– Но ведь Бог благословит наши пашни. Ваши дети будут здоровы! – закричал священник. – Все жители Неба о нас порадуются...

Мужчины медленно, но уверенно расходились. За ними потянулись женщины. Через десять минут площадь перед церковью опустела. Мычали коровы, кричал петух, но голоса их никого не раздражали.

Священник вошел в алтарь. Весь тот вечер и ночь он пролежал перед престолом опустив на землю лицо. Он прослужил в том селе еще лет пятнадцать. На его глазах и через его сердце прошли крестины и похороны, неурожай, болезни, падеж скота, драки соседей из-за передвинутой межи. Служить и молиться он любил. Только вот никогда с тех пор больше не проповедовал.

Потом его куда-то перевели. Люди повздыхали, пожалели и забыли. Потом и Бог забыл село. Оно как-то скисло, поредело, а затем исчезло. Забылось даже имя села. Да и как ему не забыться, если ни район, ни ближайший город, ни сама страна, где все произошло, ни у кого не удержались в памяти.

Попутчик

Если путешествовать нечасто, то дорогу я люблю. Есть в ней что-то честное и на самую жизнь похожее. Из одной точки выехал – во вторую еще не приехал. И так хорошо в этом зависшем состоянии смотреть в окно, грустить и думать. Я говорю о поезде. Потому что если самолет, то это быстро и всегда чуть-чуть страшновато. А если машина, то это уже труд, а значит, не до философской грусти и не до размышлений. Единственное, что мне по-настоящему мешает, это говорливые попутчики. Я согласен на не открывающиеся окна и сырые простыни, лишь бы в пути меня никто не трогал. Но лучше готовиться к худшему, чтобы потом быть приятно удивленным, чем мечтать о своем и разочаровываться. Поэтому и в тот раз я вошел в вагон, нашел свое купе и, энергично рванув ручку двери, сказал: «Здравствуйте». Ни одна пара глаз на меня не уставилась. Царица Небесная! Никого! До отправления минут шесть-семь, а в купе – никого, и сам вагон – полупустой.

Вещей у меня всегда минимум, поэтому положил я свой тощий портфель на полку, повесил на плечики пиджак и, разувшись, удобно сел у окна. Поезд уже тронулся. Уже наступил момент, когда неясно: ты едешь – или состав напротив начал двигаться. Я ждал проводника, чтобы отдать билет и попросить чаю. Дверь с силой открылась, и вместо проводника в купе вошел запыхавшийся мужик лет сорока и, так же, как я, выпалил: «Здравствуйте». Он осмотрелся, нашел глазами номер своего места и затем втащил в купе два внушительных чемодана. Настроение мое слегка упало, но уже через минуту оно опустилось до нуля. Попутчика сразу стало много. Он прятал вещи, переодевался, расстилал матрас и делал это так, что мне казалось, я знаю его и вижу перед собой не первый месяц.

Проводник забрал билеты и принес чай. За окном стало смеркаться. Поезд мерно раскачивался, колеса стучали, и этот ритм, казалось, убаюкал соседа. Он сел напротив и стал смотреть в окно. Но надолго его не хватило. Это была одна из тех компанейских душ, которые не могут жить, не разговаривая с первым встречным, да так, будто знакомы целую вечность.

– Ученый? – спросил сосед, улыбаясь и, видимо, предвкушая начинающийся разговор. Я улыбнулся в ответ и молча покачал головой, давая понять, что нет.

– Художник? – ответ тот же.

– Ну не музыкант же?

– А по какому признаку вы отбираете профессии? – спросил я. Надежда на то, что разговора удастся избежать, улетала стремительно, как деревья за окном.

– Так ведь борода и хвостик, – попутчик произнес это с торжествующей интонацией, мол: «Врешь, брат, меня не обманешь».

– Я – священник.

На секунду мужик замер. Наверное, лихорадочно соображая, что говорить и как вести себя дальше. Но уже через несколько мгновений его лицо изобразило гримасу абсолютного счастья, и он произнес фразу, которая непременно была бы произнесена, будь я хоть трижды художником, хоть дважды ученым:

– Так что, по маленькой?

– Спасибо, не хочу. Завтра рано вставать, – ответил я.

Но сосед уже разворачивал шуршащий кулек и раскладывал на столике сваренные вкрутую яйца, пластмассовый судок с котлетами, хлеб, что-то еще и, конечно, бутылку.

– Николай. – Сосед протянул мне руку.

– Отец Леонид, – ответил я и тоже протянул руку.

Водка уже была разлита в пластмассовые стаканчики, когда я сказал: давайте помолимся перед едой.

– Давайте, – обрадовался Николай. Видно, это было изрядной новизной в его опыте. – А какую молитву?

– «Отче наш».

– О, эту я знаю. Я вообще только ее и знаю. Меня один негр научил.

– Негр? Сектант?

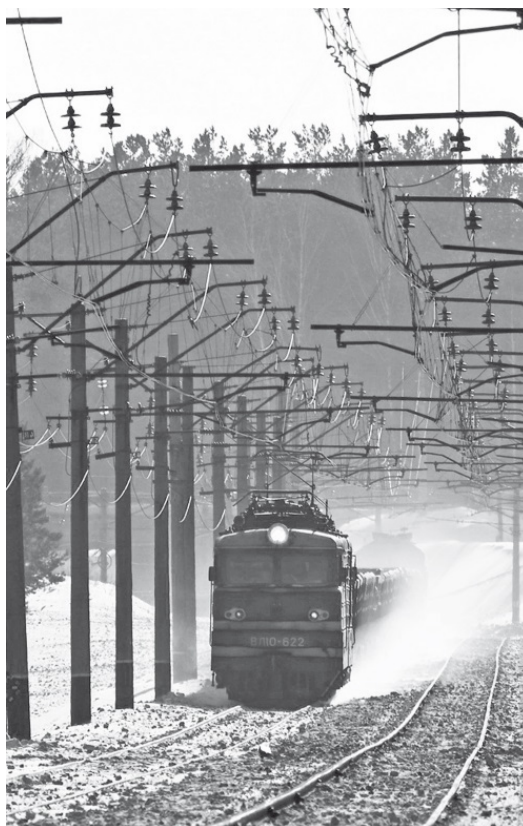
– Наш, православный. Ведь вы православный? – вдруг спросил Николай и насторожился.

– Да.

– Ну вот, и он был православный. Это лет двадцать тому назад было.

– Расскажите.

– С удовольствием.

Не вставая, мы прочли молитву Господню, я благословил еду, мы выпили по первой, и Николай начал рассказ. Находя его интересным, я хочу поделиться тем, что тогда услышал, и с тобою, дорогой читатель.

* * *

– Это было в начале девяностых. Я только что вернулся из армии, пару месяцев погулял, подурачился и устроился на работу. Работал в театре монтажником сцены. Ну типа грузчиком или разнорабочим. Мы декорации к спектаклям монтировали и постановки оценивали по-своему. Плохой спектакль – это когда декораций до фига, а хороший – если пара стульев или еще чего-нибудь полегче. Однажды иду на работу днем, на дневной спектакль, вижу – навстречу Игорек идет, одноклассник. Он в армию из-за института позже ушел и еще дослуживал. Домой в отпуск приехал. Мы обнялись, парой-тройкой слов перебросились и договорились вечером после позднего спектакля встретиться.

Встретились, пошли в кабак.

На этих словах Николай налил по второй, и мы выпили. – И там он мне рассказал о своей службе. Игорь был мужик спортивный, и забрали его в ВВ – «виноват-военкомат» (в милицию, то есть). Время было дурное, Союз разваливался, кругом конфликты. Его послали в Карабах. И там у него поехала крыша. Парень здоровый, на вид молодой, а тут резня, что те, что эти друг друга убивают. Игорь говорит – я разобраться хотел, кто виноват, в чем дело? Так ни в чем и не разобрался, только возненавидел и азеров, и армян.

Ну мы пьем, разговариваем. Я смотрю, он смолкает потихоньку, пьет, больше не закусывает. И глаза у него дурные становятся, стеклянные. Потом он стал кулаком по столу бить. Короче, мы расплатились и вышли. Уже стемнело. Его развезло, и он забыл, что дома, в отпуске. На моих глазах вырвал в сквере из лавки дубье и орет: «Звери! Сволочи!» – и все такое. Я уже не рад, что его встретил. Думаю, как такого бугая домой тащить. Вдруг в конце улицы блеснули фары. Машина тихо едет на нас. Игорь вроде протрезвел в секунду и шепотом мне говорит: «Сейчас будем их брать. Не ссы, меня учили». Он ложится поперек дороги и складывает руки на груди, типа мертвый. Я стою в трех шагах за деревом и думаю, на кой хрен я с ним связался. Машина медленно подъезжает. Тушит фары... Ё-мое, ментовский бобик. Все, думаю, труба, приехали. Но стою, не убегаю.

Из машины выходит мент, наклоняется над Игорем. Тот хватается за китель и орет: «Коля! Вали его, я его держу!» Я как дурак выхожу из-за дерева и становлюсь рядом. Из машины выскакивает второй, по рации, слышу, зовет подмогу. Они вдвоем борются с Игорем и пробуют его из баллончика успокоить. Тот орет: «Сержант! Меня – “Черемухой?”» Короче, это идиотство длится минуты три. Подъезжает второй «воронок», нас вяжут и везут в райотдел.

* * *

Николай хотел налить по третьей, но я его удержал. Тело и так наслаждалось разлившимся теплом. Хотелось сидеть не двигаясь и слушать, что было дальше.

* * *

– Привозят нас к дежурному, – продолжал Николай, – и разводят в разные стороны. Игоря как буйного утащили куда-то, я остался один. Заполнили протокол, дали мне пару раз в душу для профилактики и закрыли в клетку до утра. Конечно, деньги забрали, ремень и шнурки

вытащили, пендаля под зад дали, все как положено. И вот там, в клетке, в райотделе, и был тот самый негр, который меня «Отче наш» научил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.